

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 3, pp. 594–603, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC [811.161:1+ 811.512.145]’373
DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-594-603

Коммуникативный аспект местоименной вербализации пространственного дейксиса в татарском и русском языках

Раиса Джавхаровна Урунова¹, Лилия Талгатовна Ягафарова², Дарья Александровна
Иванова³, Светлана Юрьевна Глушкова⁴, Алсу Мансуровна Нигматуллина⁵

¹ Казанский федеральный университет (д. 25, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская
Федерация)

доктор филологических наук, доцент, профессор

 0000-0003-0630-8252. E-mail: urunova_rd@rambler.ru

² Университет управления «ТИСБИ» (д. 13, ул. Муштары, 420012 Казань, Российская
Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-0130-9451. E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

³ Казанский федеральный университет (д. 25, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская
Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-7551-1521. E-mail: daria624@yandex.ru

⁴ Казанский федеральный университет (д. 25, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская
Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-5187-3632. E-mail: svetaelina@gmail.com

⁵ Казанский федеральный университет (д. 25, ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская
Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-9502-5371. E-mail: alsunigmatullina@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Урунова Р. Д., Ягафарова Л. Т., Иванова Д. А., Глушкова С. Ю., Нигматуллина А. М., 2022

Аннотация. Цель статьи — анализ дейктических микросистем разных по происхождению и грамматическому типу языков с использованием синергетических подходов с учетом достижения классического языкознания и данных относительно новой теории коммуникации. Одной из важных проблем современного языкознания является неполное соответствие некоторых лингвистических категорий реальным условиям употребления языка, что затрудняет

использование научных понятий в прагматическом плане. В связи с этим некоторые категории классического языкознания требуют уточнения в свете новых научных достижений. *Материалы и методы.* В качестве инструмента исследования в статье используется комплексная методика: с одной стороны, сопоставление дейктических вербальных средств русского и татарского языков, с другой стороны, перекрестный ситуативно-компонентный анализ, применяемый в теории коммуникации. Сочетание новых и традиционных методик позволило авторам, во-первых, оптимизировать традиционные проверенные временем приемы сопоставления языков разного происхождения, а во-вторых, произвести коррекцию результатов сопоставительного исследования в коммуникативном аспекте. В качестве материала исследования были привлечены главным образом татарский и русский языки, как распространенные в одном регионе и находящиеся в тесном контакте в условиях русско-татарского билингвизма. *Результаты.* В результате применения комплекса коммуникативно-лингвистических приемов была описана универсальная для языков разных типов дейктическая категория, осуществляющая пространственную координацию участников и объектов речи. Были выявлены общие для языков пространственные коммуникативные показатели, особенности дейктических процессов и средства их выражения. Особое внимание уделялось различиям в осуществлении пространственного дейксиса в сопоставляемых языках. *Выводы.* Дейксис по коммуникативной и грамматической значимости является центральной категорией русского и татарского языков в местоименных системах. Регулярные дейктические средства включают основные разряды местоимений: личные, притяжательные, лично-указательные, указательные. Функциональное качество всех остальных местоимений и неместоименных дейктиков определяется через отношения с этими центральными разрядами.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативный акт, пространственный дейксис, координация речи, дейктик, местоимение, тюркские языки, индоевропейские языки

Для цитирования: Урунова Р. Д., Ягафарова Л. Т., Иванова Д. А., Глушкова С. Ю., Нигматуллина А. М. Коммуникативный аспект местоименной вербализации пространственного дейксиса в татарском и русском языках // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 594–603. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-594-603

Spatial Deixis in Tatar and Russian: The Communicative Aspect of Pronominal Verbalization Revisited

Raisa D. Urunova¹, Liliya T. Yagafarova², Daria A. Ivanova³, Svetlana Yu. Glushkova⁴, Alsu M. Nigmatullina⁵

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (25, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor

 0000-0003-0630-8252. E-mail: urunova_rd@rambler.ru

² University of Management «TISBI» (13, Mushtari St., 420012 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-0130-9451. E-mail: yagafarovaliliya06@mail.ru

³ Kazan (Volga Region) Federal University (25, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-7551-1521. E-mail: daria624@yandex.ru

⁴ Kazan (Volga Region) Federal University (25, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-5187-3632. E-mail: svetaelina@gmail.com

⁵ Kazan (Volga Region) Federal University (25, Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-9502-5371. E-mail: alsunigmatullina@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Urunova R. D., Yagafarova L. T., Ivanova D. A., Glushkova S. Yu., Nigmatullina A. M., 2022

Abstract. Introduction. One of the important problems of contemporary linguistics is the incomplete correspondence between some linguistic categories and actual conditions of language use, which makes it difficult to apply scientific concepts in pragmatic terms. In this regard, some categories of classical linguistics require further clarification in the light of new scientific achievements. *Goals.* So, the article aims at analyzing deictic microsystems of languages different in origin and grammatical type through synergistic research approaches with due account of achievements of classical linguistics and data on the new communication theory. *Materials and methods.* The work employs comprehensive methodology: comparison of the Russian and Tatar deictic verbal means is accompanied by cross-situational/component analysis applicable in communication theory. The combination of new and traditional methods makes it possible, firstly, to optimize the traditional time-tested methods of comparing languages of different origins, and, secondly, to correct results of the comparative study in a communicative aspect. The study focuses on materials of the Tatar and Russian languages, since the latter coexist in one region and closely interact via Russian-Tatar bilingualism. *Results.* The use of comprehensive communicative/linguistic techniques yields a described universal action (deictic) category — implementing spatial coordination of participants and speech objects — for languages of different types. The study identifies spatial communicative indicators common to languages, features of action processes and means of their expression. Particular attention is paid to differences in the implementation of spatial deixis in the languages compared. *Conclusions.* Grammatically and communicatively, deixis is central to Russian and Tatar pronominal systems. Regular deictic means include key types of pronouns, such as personal, possessive, personal-demonstrative, and demonstrative ones. Functional qualities of all other pronouns and non-pronominal deictics are determined through relations with these central types.

Keywords: communication, communicative act, spatial deixis (action), speech coordination, deictic, pronoun, Turkic languages, Indo-European languages

For citation: Urunova R. D., Yagafarova L. T., Ivanova D. A., Glushkova S. Yu., Nigmatullina A. M. Spatial Deixis in Tatar and Russian: The Communicative Aspect of Pronominal Verbalization Revisited. *Oriental Studies*. 2022; 15(3): 594–603. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-594-603

Введение

Характерной чертой науки XXI в. является интеграционный характер исследований, в определенной степени стимулированный появлением синергетики. Синергетика — это междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем [Данилов, Кадомцев 2008: 136].

Междисциплинарный подход к изучаемым объектам — один из самых важных в синергетических исследованиях — оказался весьма продуктивным в науках самых разных направлений. Сегодня синергетика больше применяется в точных и естественных науках, но, на наш взгляд, ее принципы и подходы также должны быть продуктивными и в лингвистических исследованиях.

В первую очередь эти ожидания обусловлены тем, что язык является естественной самоорганизующейся системой, и изучение условий его функционирования с привлечением сопутствующих научных парадигм поможет уточнить его законы, категории и характер грамматических микросистем.

Для языка как для естественной системы характерны устойчивость относительно внешних воздействий, саморегулирование, возможность как к усложнению, так и к упрощению [Курдюмов 2009], и это обстоятельство открывает возможности для полноценного синергетического исследования, одной из задач которого является выяснение сущностных законов использования языка в коммуникации и выявление способов его саморегулирования.

В настоящей статье представлено осмысление некоторых системных процессов

в тюркских и славянских языках, связанных с актуализацией пространства, в аспекте теории коммуникации, что, на взгляд авторов, позволяет увидеть элементы и грамматические микросистемы в естественных условиях употребления без влияния гипотетических артефактов, свойственных теориям классического языкознания. Кроме этого, сопоставление тюркских и славянских языков в коммуникативном аспекте позволяет увидеть причины развития аналогичных явлений и микросистем в генетически разных языках. Объектом описания в статье является дейктическая категория, которая в денотативном плане имеет физическую природу, а в лингвистическом регулярное вербальное выражение в языке [ЛЭС 1990: 128].

Оба плана органично связаны, и эта связь регулируется условиями коммуникативного акта. Сопоставление дейктических процессов в разных языках позволяют выявить общие закономерности этой категории.

Пространственный дейксис и коммуникативный акт

Для достижения поставленной цели необходимо учесть базовый для теории коммуникации закон — содержание коммуникативного акта обязательно должно быть скоординированным в пространстве и во времени [Сухорукова 2006: 51–52].

Поскольку данный закон является существенным, то есть отражающим необходимое для коммуникации условие, то логично предположить, что в каждом языке должна сложиться система специальных средств для осуществления пространственно-временной координации речи. В лингвистических трудах, посвященных этому вопросу, для обозначения координации используются специальные термины: например, «ориентационные свойства языка, связанные с местом и временем произнесения высказывания», называются дейктической категорией [Лайонз 1987: 291], а вербальные средства, осуществляющие пространственно-временную координацию речи, называют дейктическими, или дейктиками [ЛЭС 1990: 128].

В нашей статье речь пойдет исключительно о коммуникативном пространственном дейксисе и вербальных средствах его выражения.

Главная функция дейктической категории — обеспечить в акте общения адекват-

ность передаваемой информации реальной коммуникативной ситуации в пространственном плане. Это достигается актуализацией денотативных компонентов ситуации речи и пространственных показателей в содержании высказывания. Любое высказывание произносится в конкретном месте, и оно связано с реальной пространственной ситуацией. Оно произносится конкретным лицом и адресовано другому конкретному лицу (или лицам), поэтому сфера дейксиса включает: ролевой дейксис — указание на участников речевого акта (субъекта и адресата) и предмет речи; пространственный дейксис — указание на степень отдаленности объекта речи [ЛЭС 1990: 128].

Поскольку без пространственного дейксиса коммуникативный акт невозможен, то в языке сложилась своя микросистема вербальных средств для его регулярного выражения. Хотя для современного состояния и русского, и татарского языков характерен синкретизм ролевого и пространственного дейксиса в одной вербальной микросистеме, каждый из этих видов заслуживает отдельного внимания.

К вербальным средствам пространственного дейксиса лингвисты [Закиев 1993; Лайонз 1987; Семереньи 1980; Урунова 2019; Фаттахова 2014] относят «личные местоимения, обстоятельства места ..., а также категорию лица» [Лайонз 1987: 291]. К сожалению, академические грамматики русского языка не рассматривают местоимения в аспекте дейксиса, поэтому их описания не являются исчерпывающими [Виноградов 1972: 255–256], тогда как, по мнению ученых О. Семереньи, Р. Д. Уруновой, изучение в коммуникативном аспекте показывает, что дейктическая функция определяет качество и конфигурацию местоименной системы в любой исторический период в языке любого грамматического типа и любого происхождения [Семереньи 1980: 366; Урунова 2014: 95].

Исходя из того, что для осуществления координации пространства в коммуникации используется система местоимений, главная задача настоящей статьи — описание связи дейксиса и его местоименного выражения в русском и татарском языках для выявления сходств и различий, и это должно помочь выяснить степень универсальности этой категории. В качестве материала исследо-

вания использовались главным образом русский как язык индоевропейского происхождения и татарский, являющийся языком тюркской семьи.

Принцип пространственной координации коммуникативного акта

Пространственный дейксис имеет конструктивную способность организовывать коммуникацию, поскольку является централизованным и распространяется на все коммуникативное поле. Остальные виды дейктических процессов либо обусловлены координатами пространства, либо косвенно связаны с ними. Это обстоятельство дает основание считать пространственный дейксис в хронологическом плане первичным по отношению к ролевому. На важность пространственного аспекта указывает то, что акт общения основывается на системе пространственных показателей реальной ситуации. В свою очередь система пространственных координат используется в процессе коммуникации как способ организовать общение вообще, поэтому в современных языках пространственный и ролевой виды дейксиса вербализуются одной синкретичной системой средств [Урунова 2020: 124, 126].

В конструктивном аспекте в славянских и в тюркских языках означивание пространственных координат органично связано с показателями ролевого дейксиса. Так, для пространственной координации необходим ориентир, относительно которого определяется степень отдаленности участника или объекта. В качестве этого ориентира используется позиция говорящего, являющаяся эпицентром коммуникативного пространства и выражаемая в русском языке местоимениями *я – мы*, а в татарском языке *мин – без*: *У нас, в России, работают пока немногие* [НКРЯ. А. П. Чехов, 1984]; *Бездә яздыр* ‘У нас, наверно, весна’¹ [ПКТЯ. Ф. Кәрим, 2015]; *Бездә, Татарстанда, бай мәдәният горейф-гадәте* ‘У нас, в Татарстане, богатые культурные традиции’.

Кроме этих универсальных средств, в татарском языке для обозначения коммуникативного эпицентра есть уникальные агглютинативные формы, образованные путем присоединения аффиксов со значением 1-го лица к основе слова, при этом местоимения

уже не употребляются: *Татарстаны-бызда төрле милләт бар* ‘В нашем Татарстане есть разные национальности’ [ПКТЯ. Г. Шарипова, 2016]. Этот тип дейктической вербализации является чисто грамматическим, поскольку обусловлен агглютинативным типом татарского языка, и в плане содержания он ничем не отличается от местоименного выражения.

Пространственная позиция субъекта речи является эпицентром и точкой отсчета для всех пространственных координат в коммуникации. Адресат речи в аспекте пространственного дейксиса — это лицо, находящееся в непосредственной близости от коммуникативного центра. В современном русском языке выражается местоимениями *ты – вы*: *Тебе бы, Икоркин, попом быть!* [НКРЯ. И. Шмелев, 2000]; в татарском языке *син – сез*: *Киңәшем сиңа, балам!* ‘Мой совет тебе, ребенок’ [ПКТЯ. Г. Шарипова, 2016].

Объект речи может находиться в разной степени отдаления от эпицентра — как близко, так и далеко, поэтому некоторые языки обладают своими системами координат для его обозначения. В современном русском языке чаще всего используются лично-указательное местоимение *он* и указательные местоимения *этот* и *тот*: *Враг или, как говорят солдаты, «он», был где-то рядом* [НКРЯ. Л. Толстой, 2004]; *Как на грех, в калитке свинья застряла. Голова с той стороны, а сама с этой ...* [НКРЯ. М. Шолохов, 2001].

В татарском языке аналогично используются лично-указательное местоимение *ул* и указательные местоимения *бу*, *шул*, *шундый*, *мондый*, *шушы* и *теге*, *тегенди*, *ул*: *этием*, *ул бик акыллы* ‘Мой папа, он очень умный’, *бу яктан – теге яктан* ‘с этой стороны, с той стороны’.

Примечательно, что в татарском языке местоимение *ул* может использоваться в двух грамматических контекстах — как лично-указательное, так и чисто указательное: *ул китте* ‘он ушел’, *ул чакта* ‘в тот раз’.

Во всех языках для актуализации ролевого дейксиса используется микросистема, показатели которой определяются по способу в коммуникативном акте: субъект, адресат и объект речи. В современном русском языке коммуникативные роли выражаются

¹ Здесь и далее перевод авторов.

системами личных и притяжательных местоимений: *я / мы, ты / вы, он / они; мой, твой, наш* и т. д.

В современном татарском языке используется аналогичная местоименная вербализация: *мин / без, син / сез, ул / алар; минем / минеке, синен / синеке, безнен / безнеке*, причем притяжательные местоимения *минеке, синеке, безнеке* употребляются в языке без существительных *Бу минеке* 'это моё', в отличие от местоименных форм *минем, синен, безнен*: *Бу минем китап* 'Это моя книга'.

В татарском языке, кроме этого, ролевыми дейктиками являются агглютинативные показатели личной принадлежности: *апа* 'старшая сестра' – *апам* 'моя старшая сестра', *абый* 'старший брат' – *абыем* 'мой старший брат', *эне* 'младший брат' – *энем* 'мой младший брат', *сеңел* 'сестренка' – *сеңелем* 'моя сестренка'.

Показатели коммуникативных ролей органично связаны с вербальным выражением пространства, которое они проецируют в содержании высказываний. Так, говорящий одновременно является и коммуникативным, и пространственным эпицентром, и поскольку в коммуникации говорит то один, то другой участник, то эпицентр является динамичным [Лайонз 1987: 291].

Ситуативная позиция говорящего используется в речи как ориентир для пространственной координации. Адресат вместе с говорящим определяют пространственные границы коммуникативного акта. По физическим законам коммуникации они должны воспринимать друг друга аудиально и визуально, поэтому слушающий всегда находится в непосредственной физической близости от субъекта речи. Объект речи всегда выводится за границы коммуникации, на каком бы расстоянии от коммуникантов он ни находился, даже когда он располагается совсем близко. В связи с этим в некоторых языках сложились требования этикета. Так, в русском речевом поведении недопустимо в отношении присутствующих применять местоимения 3-го лица *он* или *она*. Это равносильно намеренному оскорблению: *Пусть он замолчит! Я не хочу его слушать* [НКРЯ. В. Лозина-Лозинский, 2012]. Тогда как употребление *они* в отношении нескольких присутствующих не так категорично: *Виктор Иванович, простите их. Они раскаиваются и больше не будут*

так делать [НКРЯ. В. Лозина-Лозинский, 2012].

В речевом поведении татар местоимение *ул* так же, как и в русском этикете, нежелательно использовать по отношению к присутствующему. Это общее для разных народов правило обусловлено действием дейктической системы: используя объектное местоимение по отношению к человеку, находящемуся в аудиально-визуальной близости, участник коммуникации намерено выводит его за границы коммуникативного акта, лишая возможности принять в нем участие.

Таким образом, в современных русском и татарском языках используются однотипные синкретичные системы дейксиса, вербализованные местоимениями, в семантике которых совмещаются пространственные и ролевые значения.

Системы пространственных координат в разные периоды

Исследования тюркских и славянских языков показали, что в процессе эволюции ролевой и пространственный виды дейксиса имели различную значимость в разные исторические периоды. Для древних периодов, особенно дописьменных, для коммуникации более важным был пространственный дейксис, поэтому в первых письменных памятниках как европейских, так и тюркских (татарских) обычно обнаруживается подробная система для выражения объекта по степени отдаленности от коммуникативного центра. Наличие этой микросистемы в исследуемых языках свидетельствует о важности показателя степени для акта коммуникации. Так, известный компаративист О. Семереньи выявил в древних индоевропейских языках четыре степени «дистантности» для объекта коммуникации:

- «дейксис первого лица (*здесь у меня, этот у меня*)»;
- «дейксис второго лица (*там у тебя*)»;
- «дейксис близкого предмета (*вот*)»;
- «дейксис удаленного предмета (*там, в отличие от здесь и вот*)» [Семереньи 1980: 217–218].

Исследователи письменных памятников славян подтвердили, что восточные диалекты унаследовали индоевропейскую четырехчленную дейктическую систему. П. С. Кузнецов описал три степени дейк-

сиса, соответствующие I, II и IV степени О. Семереньи:

– «близкое к говорящему» (*сь, си, се, сии*);

– «близкое к собеседнику» (*тъ, та, то, ти*);

– «вообще далекое» (*онъ, она, оно, они*) [Кузнецов 1953: 134].

Р. Д. Уруновой удалось установить, что в качестве дейктика III степени в текстах восточных славян использовались местоимения *инъ, ина, ино, уни* [Урунова 2014: 132–135].

Исследователи татарского языка в основном выделяют трехчленную дейктическую систему дейктиков:

– проксимальные дейктики — *бу / шушы* для указания на что-либо, находящееся близко к говорящему;

– медиальный дейктик — *шул* для указания на референта, находящегося ближе к адресату, нежели к говорящему;

– дистальные дейктики — *ул / теге* для указания на референта, находящегося на отдаленном расстоянии от говорящего и адресата [Фаттахова 2014: 189].

Функциональные исследования современных языков показали, что ролевой дейксис стал более важным для коммуникации. Об этом позволяет судить факт, что со временем ролевой показатель объекта речи вытеснил все обозначения по степени отдаленности.

В современных русском и татарском языках все дифференцированные значения сливаются в одном дейктике — объект, находящийся за границами коммуникативного акта. В новом объектном дейктике степень отдаленности от коммуникативного центра не важна:

1-я степень: — *Где твой паспорт? – Он лежит у меня в кармане; Кайда тарагын икән? ‘Где твоя расческа?’ – Ул шурлектә ята ‘Она лежит на полке’;*

2-я степень: — *На тебе красивое платье, оно тебе идет; Бу кием сиңа бик килешә ‘Эта одежда тебе очень идет’;*

3-я степень: — *Где Андрей? Он постоянно опаздывает; Кайда ул икән? Ул һаман тәртипне боза ‘Где он? Он всегда нарушает дисциплину’.*

Результаты сопоставления дейктических средств в татарском и русском языках дают основание считать, что в современном

состоянии ролевой дейксис в коммуникации стал доминантным. В определенной степени это обусловлено тем, что в дописьменный период границы речевого дискурса практически всегда совпадали с пространством в пределах видимости коммуникантов, тогда как объекты современной коммуникации чаще находятся за пределами видимости [Урунова 2014: 150].

Кроме этого, система личных местоимений в современной коммуникации выполняет несколько функций: во-первых, организацию акта речи; во-вторых, структуризацию речи; в-третьих, пространственную координацию речи [Урунова 2020: 128].

Хотя в этом перечне пространственный дейксис стоит на последнем месте, это не значит, что он утратил свою ориентационную важность для современного дискурса. Координация пространственных показателей остается необходимым условием для осуществления акта речи в любой исторический период, поскольку в этом заключается «сущностный» закон коммуникации. И хотя вербализация пространственных координат теперь осуществляется имплицитно, без нее общение не будет результативным. Новые коммуникативные условия, связанные с тесным взаимодействием устной и письменной форм, привели к тому, что в современных языках утратилось дифференцированное обозначение объекта речи, и это вызвало унификацию микросистемы местоимений 3-го лица как в русском, так и в татарском языках.

Пространственная координация коммуникативного акта в русском и татарском языках

Сопоставительное изучение пространственной координации коммуникативного акта показало, что в современных языках местоименные дейктики осуществляют ролевой и пространственный дейксис одновременно, хотя дейктические микросистемы не слились окончательно в одну, а лишь подверглись унификации. Так, и в татарском, и в русском языках ролевыми дейктиками являются личные и притяжательные местоимения, личные формы глаголов. В татарском языке, кроме этого, дейктиками являются агглютинативные показатели личной принадлежности коммуникантов. Эти показатели образуют одну микросистему с

притяжательными местоимениями, которой в русском языке соответствуют только притяжательные местоимения.

Притяжательные местоимения в историческом плане являются сравнительно новыми грамматическими образованиями, и их появление в списке коммуникативных средств русского и татарского языков, свидетельствует об усилении организационной функции речи, и это подтверждает важность ролевого дейксиса для современной коммуникации.

Центральным средством пространственного дейксиса в современных языках также остается система личных местоимений, которая дополняется указательными местоимениями и пространственными наречиями [Лайонз 1987: 291–292].

Современные личные местоимения выполняют пространственную координацию речи имплицитно. Главным дейктиком остается местоимение 1-го лица, которое продолжает выполнять функцию ориентира для пространственных координат: *И я, певец утех, пою утрату их, И вокруг меня скалы суровы ...* [НКРЯ. Е. А. Баратынский, 1936]; *Останься лучше без забот: От нас Людмила не уйдет* [НКРЯ. А. С. Пушкин, 2003].

У указательных местоимений *тот* и *этот* пространственный дейксис является первичной функцией. Они вербализуют пространственные показатели коммуникативной ситуации безотносительно к содержанию дискурса, и это свидетельствует о том, что у них доминирует денотативный план, поэтому они часто являются вербальным дополнением указательных жестов.

Местоимение *этот* указывает на объект, который находится близко от говорящего: *Коля вспыхнул на Натали, вскочил из-за стола, выхватил этот пистолет и показал жене* [НКРЯ. В. Гиляровский, 2003].

Местоимение *тот* указывает на объект, который находится в некотором отдалении от говорящего: *Я на Неву пришел, когда уж тени стали Сливаться в неясное тот берег,*

Источники

ПКТЯ — Письменный корпус татарского языка [электронный ресурс] // Электронный корпус современного письменного татарского языка. URL: <https://www.corpus.tatar/> (дата обращения: 30.06.2021).

тот, другой... [НКРЯ. В. Лозина-Лозинский, 2012].

В татарском языке аналогично русскому указательные местоимения *бу / шушы* ‘этот’ служат для указания на что-либо, находящееся или происходящее близко к говорящему [Юсупова 2011: 183]: *Бу жылы яңгыр кыш буе куаклыкта йоклаган кәрпене да уятты* ‘Этот теплый дождь разбудил спящего всю зиму под кустом ежика’ [ПКТЯ. Ф. Кәрим, 2015]; а *ул / теге* ‘тот’ — для указания на наиболее отдаленный от говорящего предмет или явление: *Ул көнне алар аерылдылар* ‘В тот день они расстались’ [ПКТЯ. Ф. Кәрим, 2015].

Заключение

В результате сопоставления местоименных дейктиков русского и татарского языков можно сделать вывод, что дейксис — это универсальная коммуникативно-языковая категория, которая в ранние периоды обеспечивала соотнесенность речевого дискурса с действительностью по пространственным показателям, а в современных языках выполняет комплексную функцию, включающую организацию коммуникативного акта и его пространственную координацию. Поскольку условия коммуникации могут быть самыми разнообразными, то система местоименных дейктиков обладает динамичным характером, обеспечивающим необходимые качества для выполнения этой функции в разные периоды.

Выявленное с результата сопоставления местоименных систем сходство в процессе пространственного дейксиса и состава дейктиков свидетельствует о коммуникативно-языковой универсальности этой категории для языков разного происхождения. Различия в осуществлении дейксиса и в составе дейктиков связаны, во-первых, с разными культурными условиями коммуникации; во-вторых, с механизмом грамматических процессов, обусловленных типом языка. Таким образом, коммуникативная сторона дейксиса является однотипной в обоих языках, а грамматическое выражение дейктического процесса в языках отличается.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // Электронный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.06.2021).

Sources

Corpus of Written Tatar. Available at: <https://www.corpus.tatar/> (accessed: June 30, 2021). (In Tat. and Russ.)

Russian National Corps. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: June 30, 2021). (In Russ.)

Литература

- Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
- Данилов, Кадомцев 2008 — Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 130–142.
- Закиев 1993 — Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 383 с.
- Кузнецов 1953 — Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М.: Изд-во Московского университета, 1953. 305 с.
- Курдюмов 2009 — Курдюмов С. П. Новые тенденции в научном мировоззрении [электронный ресурс] // Синергетика и научное прогнозирование. Сайт С. П. Курдюмова. 2009. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/KurdyumovSergPavlovich.htm> (дата обращения: 30.06.2021).
- Лайонз 1987 — Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1987. 542 с.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

- Семереньи 1980 — Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. 407 с.
- Сухорукова 2006 — Сухорукова Н. Г. Основы теории коммуникации. Новосибирск: НГУЭУ, 2006. 195 с.
- Урунова 2014 — Урунова Р. Д. Местоимения русского языка (разноаспектное описание). Ульяновск: УлГУ, 2014. 174 с.
- Урунова 2019 — Урунова Р. Д. Введение в славянскую филологию. Казань: АН РТ, 2019. 204 с.
- Урунова 2020 — Урунова Р. Д. Квантификация местоимений в жанре агитационной речи // Вестник Воронежского государственного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 122–129.
- Фаттахова 2014 — Фаттахова Э. Б. Указательные местоимения в английском и татарском языках как лексическое средство выражения определенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 187–191.
- Юсупова 2011 — Юсупова З. Ф. Принцип лингвометодического изучения указательных местоимений в русском и татарском языках // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 3 (25). С. 181–185.

References

- Danilov Yu. A., Kadomtsev B. B. What is synergetics? In: *Nonlinear Waves. Self-Organization*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008. Pp. 130–142. (In Russ.)
- Fattakhova E. B. Demonstrative pronouns in the English and Tatar languages as a lexical means to express certainty. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2014. No. 9(39). Part I. Pp. 187–191. (In Russ.)
- Kurdyumov S. P. New trends in scientific worldviews. On: *Synergetics and Scientific Prognosis* (website of S. Kurdyumov). 2009. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/KurdyumovSergPavlovich.htm> (accessed: June 30, 2021). (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. *Historical Grammar of Russian: Morphology*. Moscow: Moscow State University, 1953. 305 p. (In Russ.)

- Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Moscow: Progress, 1987. 542 p. (In Russ.)
- Sukhorukova N. G. *Foundations of Communication Theory*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management, 2006. 195 p. (In Russ.)
- Szemerényi O. *Introduction to Comparative Linguistics*. Moscow: Progress, 1980. 407 p. (In Russ.)
- Urunova R. D. *Introduction to Slavic Linguistics*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 204 p. (In Russ.)
- Urunova R. D. Quantification of pronouns in the genre of campaign speech. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 3. Pp. 122–129. (In Russ.)
- Urunova R. D. *Russian Pronouns: Descriptions from Different Aspects*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2014. 174 p. (In Russ.)

- Vinogradov V. V. Russian Language: The Grammatical Theory of Word. Moscow: Vysshaya Shkola, 1972. 614 p. (In Russ.)
- Yartseva V. N. (ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 685 p. (In Russ.)
- Yusupova Z. F. Linguistic methodological comparison of relative pronouns in the Russian and Tatar languages. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2011. No. 3(25). Pp. 181–185. (In Russ.)
- Zakiev M. Z. Tatar Grammar. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1993. Vol. II: Morphology. 383 p. (In Russ.)

